
Библиотека проекта Бориса Акунина
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

РУСЬ В «БУНТАШНЫЙ ВЕК»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р88

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

*Библиотека проекта Бориса Акунина
«История Российского государства» издается с 2014 года*

Разработка макета переплета — Андрей Ферез

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентством
Shutterstock и свободными источниками

Р88 Русь в «Бунташный век»: [сборник]. — Москва: Издательство АСТ,
2017. — 352 с.: ил. — (Библиотека проекта Б. Акунина «История Россий-
ского государства»).

ISBN 978-5-17-101619-7

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Бори-
сом Акуниным лучшие памятники исторической литературы, в которых отражена биогра-
фия нашей страны от самых ее истоков.

Острые внутренние кризисы и длительные войны в России на рубеже XVI–XVII веков
были порождены во многом незавершенностью процесса государственной централизации,
отсутствием необходимых условий для нормального развития страны.

Великие российские историки Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев и В.О. Ключевский
по-разному оценивали события, происходившие в стране, но все они единодушно утвержда-
ли, что переломным стал 1612 год.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В.Акунин, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

**Николай
Михайлович
Карамзин**

Царствование Феодора Борисовича Годунова. 1603 г.

Еще россияне погребли Бориса с честью во храме Св. Михаила, между памятниками своих венценосцев варяжского племени; еще духовенство льстило ему и в могиле: святители в окружных грамотах к монастырям писали о беспорочной и праведной душе его, мирно отшедшей к Богу! Еще все, от патриарха и синклита до мещан и земледельцев, с видом усердия присягнули «царице Марии и детям ее, царю Феодору и Ксении, обязываясь страшными клятвами не изменять им, не умышлять на их жизнь и не хотеть на государство московское ни бывшего великого князя тверского, слепца Симеона, ни злодея, именующего себя Димитрием; не избегать царской службы и не бояться в ней ни трудов, ни смерти». Достигнув венца злодейством, Годунов был однако ж царем законным: сын естественно наследовал права его, утвержденные двукратною присягою, и как бы давал им новую силу прелестию своей невинной юности, красоты мужественной, души равно твердой и кроткой; он соединял в себе ум отца с добродетелию матери и шестнадцати лет удивлял вельмож даром слова и сведениями необыкновенными в тогдашнее время: первым счастливым плодом европейского воспитания в России; рано узнал и науку правления, отроком заседа в Думе; узнал и сладость благодеяния, всегда употребляемый родителем в посредники между законом и милостию. Чего нельзя было ожидать государству от такого венценосца? Но тень Борисова с ужасными воспоминаниями омрачала престол Феодоров: ненависть к отцу препятствовала любви к сыну. Россияне ждали только бедствий от злого племени, в их глазах опального пред Богом, и страшась быть жертвою Небесной казни за Годунова, не утрастились подвергнуться сей казни за преступление собственное: за вероломство, осуждаемое уставом Божественным и человеческим.

Еще Феодор, столь юный, имел нужду в советниках: мать его блистала единственно скромными добродетелями своего пола. Немедленно велели

трем знатнейшим боярам, князьям Мстиславскому, Василию и Дмитрию Шуйским, оставить войско и быть в Москву, чтобы правительствовать в синклите; возвратили свободу, честь и достояние славному Вольскому, чтобы также пользоваться его умом и сведениями в Думе. Но всего важнее было избрание главного воеводы: искали уже не старейшего, а способнейшего, и выбрали — Басманова, ибо не могли сомневаться ни в его воинских дарованиях, ни в верности, доказанной делами блестящими. Юный Феодор в присутствии матери сказал ему с умилением: «служи нам, как ты служил отцу моему», — и сей честолюбец, пылая (так казалось) чувством усердия, клялся умереть за царя и царицу! Басманову дали в товарищи одного из знатнейших бояр, князя Михаила Катырева-Ростовского, доброго и слабодушного. Послали с ними и митрополита новгородского, Исидора, чтобы войско в его присутствии целовало крест на имя Феодора.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН

Несколько дней прошло в тишине для столицы. Двор и народ торжественно молились о душе царя усопшего; гораздо искреннее молились истинные друзья отечества о спасении государства, предвидя бурю. С нетерпением ждали вестей из кромского стана — и первые донесения новых воевод казались еще благоприятными.

Невидимо держа в руке судьбу отечества, Басманов 17 апреля прибыл в стан и не нашел там уже ни Мстиславского, ни Шуйских; созвал всех, чиновников и рядовых, под знамена; известил их о воцарении Феодора и прочитал им грамоты его, весьма милостивые: юный монарх обещал верному, усердному войску беспримерные награды после сорочин Борисовых. Сильное внутреннее движение обнаружилось на лицах: некоторые плакали о царе усопшем, боясь за Россию; другие не таили злой радости. Но войско, подобно Москве, присягнуло Феодору. С сим известием митрополит Исидор возвратился в столицу: сам Басманов доносил о том... а через несколько дней узнали его измену!

Удивив современников, дело Басманова удивляет и потомство. Сей человек имел душу, как увидим в роковой час его жизни; не верил Самозванцу; столь ревностно обличал его и столь мужественно разил его под стенами Новагорода Северского; был осыпан милостями Бориса, удостоен всей доверенности Феодора, избран в спасители царя и царства, с правом на их благодарность беспредельную, с надеждою оставить блестящее имя в летописях — и пал к ногам расстриги в виде гнусного предателя! Изъясним ли такое непонятное действие худым расположением войска? Скажем ли, что Басманов, предвидя неминуемое торжество Самозванца, хотел ускорением измены спасти себя от уничтожения: хотел лучше отдать и войско и царство обманщику, нежели быть выданным ему мятежниками? Но полки еще клялись именем Божиим в верности Феодору: какую новою ревностию мог бы одушевить их воевода, силою своего духа и закона обуздав зломысленников? Нет, верим сказанию летописца, что не общая измена увлекла Басманова, но Басманов произвел общую измену войска.

Сей честолюбец без правил чести, жадный к наслаждениям временщика, думал, вероятно, что гордые, завистливые родственники Феодоровы никогда не уступят его ближайшего места к престолу, и что Самозванец безродный, им (Басмановым) возведенный на царство, естественно будет привязан благодарностию и собственною пользою к главному виновнику своего счастья: судьба их делалась нераздельною — и кто мог затмить Басманова достоинствами личными? Он знал других бояр и себя: не знал только, что сильные духом падают как младенцы на пути беззакония! Басманов, вероятно, не дерзнул бы изменить Борису, который действовал на

воображение и долговременным повелительством и блеском великого ума государственного: Федор, слабый юностию лет и новостью державства, вселял смелость в предателя, вооруженного суетумдрием для успокоения сердца: он мог думать, что изменою спасает Россию от ненавистой олигархии Годуновых, вручая скипетр хотя и Самозванцу, хотя и человеку низкого происхождения, но смелому, умному, другу знаменитого венценосца польского, и как бы избранному Судьбою для совершения достойной мести над родом святоубийцы; мог думать, что направит Лжедмитрия на путь добра и милости: обманет Россию, но загладит сей обман — ее счастием!

Может быть, Басманов выехал из столицы еще в нерешимости, готовый действовать по обстоятельствам, для выгод своего честолюбия; может быть, он решился на измену единственно тогда, как увидел преклонность и воевод и войска к обманщику. Все целовали крест Феодору (ибо никто не дерзнул быть первым мятежником), но большею частию с нехотением или унынием. И те, которые дотоле не верили мнимому Димитрию, стали верить ему, будучи поражены незапною смертию Годунова и находя в ней новое доказательство, что не Самозванец, а действительно наследник Иоаннов требует своего законного достояния: ибо Всевышний — как они думали — несомнительно благоволит о нем и ведет его, чрез могилу хищника, на царство.

Заметили также, что в присяге Феодоровой Самозванец не был именован Отрепьевым: слагали ее, вероятно, без умысла, написали единственно:

Медаль «Царь Федор Борисович Годунов». Серебро. Конец XVIII — начало XIX века

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН

клянemся не приставать к тому, кто именует себя Димитрием. «Следственно, — говорили многие, — сказка о беглом диаконе чудовском уже торжественно объявляется вымыслом. Кто же сей Димитрий, если не истинный?» Самые верные имели печальную мысль, что Феодору не удалось удержаться на престоле. Такое расположение умов и сердец обещало легкий успех измене: Басманов наблюдал, решился и, готовя Россию в дар обманщику, без сомнения удостоверился, посредством тайных сношений, в его благодарности.

Оставленный на свободе в Путивле, Лжедимитрий в течение трех месяцев укреплял свои города и вооружал людей; писал к Мнишку, что надеется на счастье более, нежели когда-нибудь; посылал дары к хану, желая заключить с ним союз; ждал новых сподвижников из Галиции и был усилен дружиною всадников, приведенных к нему Михаилом Ратомским, который уверял его, что вслед за ним будет и воевода сендомирский с королевскими полками. Но только смерть Борисова, только измена воевод царских могла исполнить дерзкую надежду расстриги: о первой сведал он в конце апреля от беглеца дворянина Бахметева; о второй в начале мая, вероятно, от самого Басманова — и с того времени знал все, что происходило в стане кромском.

Отдав честь мужа думного и славу знаменитого витязя за прелесть исключительного вельможства под скиптром бродяги, Басманов, уверенный в сей награде, уверил в ней и других низких самолюбцев: боярина князя Василия Васильевича Голицына, брата его, князя Ивана, и Михаила Глебовича Салтыкова, которые также не имели ни совести, ни стыда и также хотели быть временщиками нового царствования в воздаяние за гнусное злодейство. Но и злодеи ищут благовидных предлогов в своих ковах: обманывая друг друга, лицемеры находили в Лжедимитрии все признаки истинного, добродетели царские и свойства души высокой; дивились чудесной судьбе его, ознаменованной Перстом Божиим; злословили царство Годуновых, снисканное лукавством и беззаконием; оплакивали бедствие войны междоусобной и кровопролитной, необходимой для удержания короны на слабой главе Феодоровой, и в торжестве расстриги видели пользу, тишину, счастье России. Они условились в предательстве и спешили действовать.

Еще несколько дней коварствовали втайне, умножая число надежных единомышленников (между коими отличались ревностью боярские дети городов Рязани, Тулы, Коширы, Алексина); успокаивали совесть людей малоумных, недальновидных, твердя и повторяя, что для россиян одна присяга законная: данная ими Иоанну и детям его; что новейшие, взятые с них

на имя Бориса и Феодора, суть плод обмана и недействительны, когда сын Иоаннов не умирает и здравствует в Путивле.

Наконец, 7 мая, заговор открылся: ударили тревогу; Басманов сел на коня и громогласно объявил Дмитрия царем московским. Тысячи воскликнули, и рязанцы первые: «Да здравствует же отец наш, государь Дмитрий Иоаннович!» Другие еще безмолвствовали в изумлении. Тогда единственно проснулись воеводы верные, обманутые коварством Басманова: князя Михаила Катырев-Ростовский, Андрей Телятевский, Иван Иванович Годунов; но поздно! Видя малое число усердных к Феодору, они бежали в Москву, вместе с некоторыми чиновниками и воинами, россиянами и чужеземцами: их гнали, били; настигли Ивана Годунова и связанного привели в стан, где войско в несчастном заблуждении торжествовало измену как светлый праздник отечества. Никто не смел изъявить сомнения, когда знаменитейший противник Самозванца, Герой Новагорода-Северского, уже признал в нем сына Иоаннова — и радость, видеть снова на троне древнее племя царское, заглушала упреки совести для обольщенных вероломцев!.. В сей памятный беззаконием день первенствовал Басманов дерзким злодейством, а другой изменник подлым лукавством: князь Василий Голицын велел связать себя, желая на всякий случай уверить Россию, что предается обманщику невольню!

Нарушив клятву, войско с знаками живейшего усердия обязалось другою: изменив Феодору, быть верным мнимому Дмитрию, и дало знать атаману Кореле, что они служат уже одному государю. Война прекратилась: кромские защитники выползли из своих нор и братски обнимались с бывшими неприятелями на валу крепости; а князь Иван Голицын спешил в Путивль, уже не к царевичу, а к царю, с повинною от имени войска и с узником Иваном Годуновым в залог верности. Лжедмитрий имел нужду в необыкновенной душевной силе, чтобы скрыть свою чрезмерную радость: важно, величаво сидел на троне, когда Голицын, провождаемый множеством сановников и дворян, смиренно бил ему челом, и с видом благоговения говорил так: «Сын Иоаннов! Войско вручает тебе державу России и ждет твоего милосердия. Обольщенные Борисом, мы долго противились нашему царю законному: ныне же, узнав истину, все единодушно тебе присягнули. Иди на престол родительский; царствуй счастливо и многие лета! Враги твои, клеветы Борисовы, в узах. Если Москва дерзнет быть строптивою, то смирим ее. Иди с нами в столицу, венчаться на царство!..»

В сей самый час, по известию летописца, некоторые дворяне московские, смотря на Лжедмитрия, узнали в нем диакона Отрепьева: содрог-

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН

нулись, но уже не смели говорить и плакали тайно. Хитро представляя лицо монарха великодушного, тронутого раскаянием виновных подданных, счастливый обманщик не благодарил, а только простил войско; велел ему идти к Орлу и сам выступил туда 19 мая из Путивля с 600 ляхов, с донцами и своими россиянами, старейшими других в измене; хотел видеть развалины Кром, прославленные мужеством их защитников, и там, оглядев пепелище, вал, землянки козаков и необозримый, укрепленный стан, где в течение шести недель более восьмидесяти тысяч добрых воинов за семидесятью огромными пушками укрывались в бездействии, изъяснил удивление и хвалился чудом Небесной к нему милости. Далее на пути встретили расстригу воеводы Михаило Салтыков, князь Василий Голицын, Шереметев и глава предательства Басманов... сей последний с

Путивль. Фото начала XX века

искреннею клятвою умереть за того, кому он жертвовал совестью и бедным отечеством! Единодушно принятый войском как царь благодатный, Лжедмитрий распустил часть его на месяц для отдохновения, другую послал к Москве, а сам с двумя или тремя тысячами надежнейших сподвижников шел тихо вслед за нею.

Везде народ и люди воинские встречали его с дарами; крепости, города сдавались: из самой отдаленной Астрахани привезли к нему в цепях воеводу Михаила Сабурова, ближнего родственника Феодорова. Только в Орле горсть великодушных не хотела изменить закону: сих достойных россиян, к сожалению, не известных для истории, ввергнул и в темницу. Все другие ревностно преклоняли колена, славили Бога и Димитрия, как некогда Героя Донского или завоевателя Казани! На улицах, на дорогах теснились к его коню, чтобы лобызать ноги Самозванца! Все было в волнении, не ужаса, но радости. Исчез оплот стыда и страха для измены: она бурною рекою стремилась к Москве, неся с собою гибель царю и народной чести. Там первыми вестниками злополучия были беглецы добросовестные, воеводы Катырев-Ростовский и Телятевский с их дружинами. Феодор, еще пользуясь царскою властью, изъявил им благодарность отечества торжественными наградами — и как бы спокойно ждал своего жребия на бедственном троне, видя вокруг себя уже не многих друзей искренних, отчаяние, недоумение, притворство, а в народе еще тишину, но грозную: готовность к великой перемене, тайно желаемой сердцами.

12

Может быть, зломыслие и лукавство некоторых думных советников, благоприятствуя Самозванцу, усыпляли жертву накануне ее заклания: обманывали Феодора, его мать и ближних, уменьшая опасность или предлагая меры недействительные для спасения. Власть верховная дремала в палатах Кремлевских, когда Отрепьев шел к столице, — когда имя Димитрия уже гремело на берегах Оки, — когда на самой Красной площади толпился народ, с жадностью слушая вести о его успехах. Еще были воеводы и воины верные: юный стратиг державный в виде Ангела красоты и невинности, еще мог бы смело идти с ними на сонмы ослепленных клятвопреступников и на подлого расстригу: в деле законном есть сила особенная, непонятная и страшная для беззакония. Но если не коварство, то чудное оцепенение умов предавало Москву в мирную добычу злодейству. Звук оружия и движения ратные могли бы дать бодрость унылым и страх изменникам; но спокойствие, ложное, смертоносное, господствовало в столице и служило для козней вожделенным досугом.

Деятельность правительства оказывалась единственно в том, что ловили гонцов с грамотами от войска и Самозванца к московским жителям:

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН

грамоты жгли, гонцов сажали в темницу; наконец не устерегли — и в один час все совершилось!

Лжедимитрий, угадывая, что его письма не доходят до Москвы, избрал двух сановников смелых, расторопных, Плещеева и Пушкина: дал им грамоту и велел ехать в Красное село, чтобы возмутить тамошних жителей, а чрез них и столицу. Сделалось, как он думал. Купцы и ремесленники красносельские, плененные доверенностью мнимого Димитрия, присягнули ему с ревностью и торжественно ввели гонцов его (1 июня) в Москву, открытую, безоружную: ибо воины, высланные царем для усмирения сих мятежников, бежали назад, не обнажив меча; а красносельцы, славя Димитрия, нашли множество единомышленников в столице, мещан и людей служивых; других силою увлекли за собою; некоторые пристали к ним только из любопытства. Сей шумный сонм стремился к лобному месту, где, по данному знаку, все умолкло, чтобы слушать грамоту Лжедимитриеву к синклиту, к большим дворянам, сановникам, людям приказным, воинским, торговым, средним и черным.

«Вы клялися отцу моему, — писал расстрига, — не изменять его детям и потомству во веки веков, но взяли Годунова в цари. Не упрекаю вас: вы думали, что Борис умертвил меня в летах младенческих; не знали его лукавства и не смели противиться человеку, который уже самовластвовал и в царствование Феодора Иоанновича, — жаловал и казнил, кого хотел. Им обольщенные, вы не верили, что я, спасенный Богом, иду к вам с любовью и кротостию. Драгоценная кровь лилася... Но жалею о том без гнева: неведение и страх извиняют вас. Уже судьба решилась: города и войско мои. Дерзните ли на брань междоусобную в угодность Марии Годуновой и сыну ее? Им не жаль России: они не своим, а чужим владеют; упитали кровию землю Северскую и хотят разорения Москвы. Вспомните, что было от Годунова вам, бояре, воеводы и все люди знаменитые: сколько опал и бесчестия несносного? А вы, дворяне и дети боярские, чего не претерпели в тягостных службах и в ссылках? А вы, купцы и гости, сколько утеснений имели в торговле и какими неумеренными пошлинами отягощались? Мы же хотим вас жаловать беспримерно: бояр и всех мужей сановитых честию и новыми отчинами, дворян и людей приказных милостию, гостей и купцов льготою в непрерывное течение дней мирных и тихих. Дерзните ли быть непреклонными? Но от нашей царской руки не избудете: иду и сяду на престоле отца моего; иду с сильным войском, своим и литовским: ибо не только россияне, но и чужеземцы охотно жертвуют мне жизнью. Самые неверные ноги хотели следовать за мною: я велел им остаться в степях, щадя Россию. Страшиться гибели, временной и вечной; страшиться ответа в день суда Божия:

смириться, и немедленно пришлите митрополитов, архиепископов, мужей думных, больших дворян и дьяков, людей воинских и торговых бить нам челом, как вашему царю законному». Народ московский слушал с благоговением и рассуждал так: «Войско и бояре поддалися без сомнения не ложному Димитрию. Он приближается к Москве: с кем стоять нам против его силы? с горстью ли беглецов кромских? с нашими ли старцами, женами и младенцами? и за кого? за ненавистных Годуновых, похитителей державной власти? Для их спасения предадим ли Москву пламени и разорению? Но не спасем ни их, ни себя сопротивлением бесполезным. Следственно не о чем думать: должно прибегнуть к милосердию Димитрия!»

И в то время, когда сие беззаконное вече располагало царством, главные советники престола трепетали в Кремле от ужаса. Патриарх молил бояр действовать, а сам, в смятении духа, не мыслил явиться на лобном месте в ризах святительских, с крестом в деснице, с благословением для верных, с клятвою для изменников: он только плакал! Знатнейшие бояре Мстиславский и Василий Шуйский, Бельский и другие думные советники вышли из Кремля к гражданам, сказали им несколько слов в увещание и хотели схватить гонцов Лжедимитриевых: народ не дал их и завопил: «Время Годуновых миновалось! Мы были с ним во тьме кромешной: солнце восходит для России! Да здравствует царь Димитрий! Клятва Борисовой памяти! Гибель племени Годуновых!» С сим воплем толпы ринулись в Кремль. Стража и телохранители исчезли вместе с подданными для Феодора: действовали одни буйные мятежники; вломились во дворец и дерзостною рукою коснулись того, кому недавно присягали: стащили юного царя с престола, где он искал безопасности! Мать злосчастная упала к ногам неистовых и слезно молила не о царстве, а только о жизни милого сына!

14

Но мятежники еще страшились быть извергами: безвредно вывели Феодора, его мать и сестру из дворца в Кремлевский собственный дом Борисов и там приставили к ним стражу; всех родственников царских, Годуновых, Сабуровых, Вельяминовых, заключили, имение их расхитили, дома сломали; не оставили ничего целого и в жилище иноземных медиков, любимцев Борисовых; хотели грабить и погребать казенные, но удержались, когда Вольский напомнил им, что все казенное уже есть Димитриево. Сей пестун меньшого Иоаннова сына явился тогда вдруг главным советником народа, как злейший враг Годуновых, и вместе с другими боярами, малодушными или коварными, старался утишить мятеж именем царя нового. Все дали присягу Димитрию, и (3 июня) вельможи, князья Иван Михайлович Воротынский, Андрей Телятевский, Петр Шереметев,

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН

думный дьяк Власьев и другие знатнейшие чиновники, дворяне, граждане выехали из столицы с повинною к Самозванцу в Тулу. Уже вестник Плещеева и Пушкина предупредил их; уже расстрига знал все, что сделалось в Москве, и еще не был спокоен: послал туда князя Василья Голицына Мосальского и дьяка Сутупова с тайным наказом, а Петра Басманова с воинскою дружиною, чтобы мерзостным злодейством увенчать торжество беззакония.

Сии достойные слуги Лжедмитриевы, принятые в Москве как полно-властные исполнители царской воли, начали дело свое с патриарха. Слабо-

К.Е. Маковский. Агенты Дмитрия Самозванца убивают сына Бориса Годунова. 1862 г.